

В начале зимы. <Рассказ>*

Р. Г. Назиров

На заседании литературного кружка университета обсуждалось творчество Бори Стрепетова. Он сидел бледный, заложив ногу за ногу, и презрительно улыбался. Громовой голос Васи Бурова целиком заполнял аудиторию № 12, в которой третий час кружковцы спорили до хрипоты о современных ритмах и назначении поэзии.

— Что это за стихи?—бушевал Вася, размахивая бориной бледно-голубой тетрадкой.—«И небо, и солнце, и даль отражались в ее бирюзовых глазах...», «На снежных закатах, на трудных возвратах я руки любимой сжимал...» Вот тут говорили-напевность, лиричность! Вздор! Меня тошнит от такой лирики!

— Буров, без оскорблений!—постучал по столу Ивин, председатель заседания и друг Васи.

Буров упрямо наклонил свою круглую голову с квадратным подбородком. На лбу его вздулись вены, он был возбужден по-настоящему: споры о поэзии всегда волновали его.

— Нет, это не стихи!—продолжал он. — Это перепевы, Стрепетов, ты «канарейка с голоса чужого». Но это еще не все. Этакое аристократическое презрение к толпе и повседневной жизни-чувствуете это? Ты опоздал родиться, Стрепетов, дендизм твой выглядит смешно. Ты-литературный стилига!

Вася Буров сел и стал остывать. Ивин подвел итоги обсуждения...

Стрепетов ничуть не походил на стилига, какими их рисуют газетные карикатуристы. Ни брючек-дудочек, ни длинных волос, ни развратных мешков под глазами-обыкновенный студент, лицо свежее и довольно упитанное, галстук не слишком яркий, но в стихах его, по общему признанию, сквозило высокомерное отрицание, отчужденность от общей жизни.

После заседания Вася Буров вышел в коридор и закурил, ожидая Ивина. Ивин, Стрепетов и кое-кто из кружковцев доканчивали спор. Вася, удовлетворенный победой, прошелся по длинному коридору. Университет жил своей обычной вечерней жизнью: там шахматный турнир, здесь-спевка факультетского хора. Вася тихими, поигрывающими шагами дошел до вестибюля.

В вестибюле тоненькая девушка в черном платье поправляла прическу, стоя перед зеркалом и держа в руках шпильки.

— Осторожно, не проглотите!—пошутил мимоходом Вася. Девушка скосила на него глаза и ответила сквозь зубы:

— Не волнуйтесь, не проглочу.

*АРГН, оп. 4. д. 107.

Вася задержался: у девушки была славная улыбка и крепкая румяная щека. Он прошел мимо и снова вернулся. Девушка воткнула в волосы последнюю шпильку и повернулась к нему:

— Вы что-то хотите сказать, прекрасный незнакомец?

— Хочу, но не знаю что.

— Когда придумаете, то запишите, чтобы не забыть.

Взяв у гардеробщицы пальто, она оделась и тоже стала прогуливаться по коридору. Вася тоже взял пальто и кепку, оделся, натянул одну перчатку. В это время из аудитории № 12 вышли кружковцы, и Боря Стрепетов, продолжая разговаривать с Ивиным, взял девушку под руку. Видя это, Вася в сердцах выругался и вышел на улицу.

Ивин догнал его на углу. Улицы, засыпанные первой жесткой крупой октября, были очень красивы. Асфальт покрылся плотным белым налетом, и автомобили своими шинами пропечатали на белом черные переплетающиеся полосы.

— Ты что молчишь?—спросил Ивин.

— Как зовут ту девицу, которая ждала Борьку Стрепетова?

— Это Светлана, с первого курса, его очередное увлечение.

— А как у них-далеко?

— Откуда я знаю? Тебе понравилась?

Вася Буров засопел и не ответил.

Всем двадцатилетним ребятам понятно, что с первой встречи падать на колени и объясняться девушке в любви-дело безнадежное. Наверняка, со второго раза начнет от тебя бегать. Но не всем ясно в двадцать лет, что обращать на себя внимание девушки дерзостями в ее адрес-такое же безнадежное дело. За это она может тебя возненавидеть, но нежных чувств на этом пути не найдешь.

Вася Буров оказался из числа самолюбивых упрямцев, предпочитающих второй способ. Встречая Свету в коридоре, он смотрел на нее холодным и невежливым взглядом и говорил что-нибудь вроде : «Снимите этот шарф, он вам не идет» или «У вас сегодня хороший вид, на лекциях, должно быть, выспались?» Света усмехалась и не отвечала на грубости. Скоро Василий загрустил.

На одном из семинарских занятий он не смог ответить на самые простые вопросы. На другом занятии преподаватель, желая просмотреть его конспект, неожиданно обнаружил черновики стихов. Отчаянное лицо Бурова говорило красноречивее любых слов, и преподаватель тотчас вернул ему стихи, а самого поэта попросил зайти для объяснений в деканат.

Теперь, встречая в коридоре милую первокурсницу Свету, Вася Буров торопился пройти мимо, но Ивин все же улавливал в эти моменты на похудевшем лице друга грустное и голодное выражение.

Выпал снег, зима вступила в свои права. Седьмого ноября колонна университета с развевающимися знаменами продефилировала перед трибунами Совета Министров. В рядах

филологического факультета пели: «Ты ко мне вернешься раннею весною...» Боря Стрепетов, прижимая к себе локоть Светланы, под общий гул читал ей свои стихи, скромно обращая внимание на их музыкальность.

На праздничном вечере в университете много танцевали. Вася Буров, набравшись смелости, пригласил Свету. Разгоряченная, с огоньком в глазах, она надменно вложила свою руку в его широкую ладонь. Стоявший рядом Боря Стрепетов тонко усмехнулся.

— Света, вы, наверное, обо мне очень плохого мнения?—с самым равнодушным видом спросил Вася.

— Нннет... Почему же?

— Небось, думаете-грубиян.

— Да нет, просто вы очень веселый человек-но не всегда умный-прямо ответила девушка, глядя ему в глаза.

— Может быть, отдохнем немного?-предложил Вася, обороняя партнершу локтями от нечаянных толчков танцующих.

— Я не устала, а впрочем, как хотите.

Они остановились у стены, но Вася удержал ее одну руку и, перебирая маленькие пальцы, стал молоть какую-то чепуху о своей невоспитанности и что он хотел сказать совсем другое, «ну, словом, вы понимаете»...

Света глядела на него без улыбки, и Вася Буров дал себе волю, заглянул в ее глаза, такие родные, словно видел их когда-то во сне, заглянул-и с головой утонул в них.

Тут бы и сказать самое главное, но начался следующий танец, и подошел Боря Стрепетов, сказал снисходительно, с терпимостью:

— Наговорились?

— Убирайся к чорту!-ответил Вася.

В тот же момент Света выдернула руку, холодно посмотрела на него и ушла с ненавистным Борисом.

А через несколько дней состоялось обсуждение рассказа Димы Куприянова, и на этом обсуждении Вася снова показал свой характер. Когда заседание кружка кончалось и половина участников уже ушла, Борис остановил других кружковцев и попросил минуту внимания.

— Предлагаю новое стихотворение, — сказал он.

— Читай, читай!

Буров с презрительной миной направился было к дверям, но услышав: «Посвящается С. Б.» — передумал и остался. «С. Б.» — Светлана Белокурова. Что он там ей настроил?

И вот Боря с характерными интонациями прочел ужасающие по своей пошлости вирши, где говорится о «мраморном теле», о «шелковой коже» и в каждой строфе мелькали слова «любовь», «ласки» и «страсть».

Когда Стрепетов кончил, воцарилось молчание: все ребята переглядывались с брезгливыми и смущенными усмешками.

— Какая фальшь, какая мерзость!-сказал вдруг Вася Буров глубоким и прерывистым голосом.

Держа руки в карманах, он подошел к Стрепетову и уставился на него. Обеспокоенный Ивин потянул своего друга за рукав.

— Нет, подожди, ведь это все ложь!-сказал Вася с яростной силой.-Рифмованное паскудство! Не понимаю, зачем человеку так лгать!

Борис скрестил руки на груди и высоко поднял голову.

— Я понимаю раздражение Бурова, — с легким смешком заявил он, — это даже извинительно, ведь он ревнует. . .

— Подлец!- заорал Вася и бросился на Бориса, но его оттащили.

Так обозначилась открытая и непримиримая вражда двух самых способных студентов университета. Оба хорошо учились, оба выполняли общественные поручения. Вражда стала заметной, их стыдили, пытались примирить-все бесполезно. В конце концов, махнули рукой и перестали обращать внимание.

Вражда эта проявлялась в соперничестве. В альманахе литературного кружка, отпечатанном на машинке и красиво переплетенном, появились рядом стихи. Оба выступали на собраниях, но гладкий ораторский стиль Бори Стрепетова затмевал нервные и порывистые речи Васи. И вообще Вася все более и более мрачнел и отступал в тень перед сиянием Бори Стрепетова.

Однако пропорционально похвалам преподавателей и всем жизненным успехам Бориса росла ирония и отчужденность студентов. И вскоре его преуспевание расколола первая трещина.

После лекции по историческому материализму в аудиторию старшекурсников вошла Света Белокурова. В руках она держала какой-то листок, а лицо у нее было такое, что все оглядывались и смотрели ей вслед. Она подошла к Борису Стрепетову. Казалось, ее появление было для него приятной неожиданностью. Он поднялся ей навстречу с глупейшей улыбкой.

— Что это такое?-медленно спросила девушка, подняв листок к его глазам.

Глаза Бори стали косыми, он продолжал улыбаться, но его улыбка сразу изменила свое значение. Это была растерянная улыбка мальчишки, пойманного на грязной шалости.

Не дождавшись ответа, Света смяла листок, швырнула в лицо Борису и дала ему две звонкие пощечины.

У выхода Вася Буров догнал ее.

— Света, милая, — забормотал он.

Но она оттолкнула его. По ее лицу текли слезы.

— Ах, отстаньте вы все!

И ушла.

Боря Стрепетов сидел, опустив голову. Любопытные студенты подобрали злополучный листок и расправили его: это было стихотворение, переписанное мелким женским почерком. Вверху стояло: «Посвящается С. Б.»

Провели первые декабрьские метели, и город окутался великолепной снежной шубой. Буров забросил литературный кружок и занялся лыжами. Он не хотел больше писать стихи. По сравнению с рифмачеством зима и спорт выглядели как-то здоровее и чище.

В первое декабрьское воскресенье он пошел на лыжах за город и так увлекся, что потерял из виду своих товарищей. День стоял изумительный, лес напоминал сказку, но мороз в конце концов начал пробирать Бурова, и он решил вернуться. Быстро закатывалось медно-красное солнце. Взобравшись на небольшое лысое взгорье, Буров приостановился на мгновение и восхищенно посмотрел вокруг. Картина была прекрасная. Вдали, на высотах-город, внизу под взгорьем-лес, а между городом и лесом лежит гладкая полоса застывшей реки.

Его внимание привлекли маленькие фигурки лыжников, которые выходили вдалеке на просеку, пересекали узкоколейку и снова ныряли в лес.

«Уж не наша ли секция возвращается?» — подумал Буров и, решительно оттолкнувшись палками, помчался вдогонку.

Хотелось догнать ребят, пошуметь по дороге в город, поболтать об удачном воскресенье и вместе посидеть у раскаленной голландки в помещении лыжной базы университета.

Никакой усталости он не чувствовал, руки, ноги, все тело двигались с механической точностью. Он быстро отыскал лыжню, на которой тренировалась секция, и пошел еще быстрее. Между тем наступали сумерки, и Вася пожалел, что цифры на его часах не светятся.

Он пересек линию и уже приближался к берегу реки, когда вдруг услышал неуверенный оклик:

— Эй, постойте, у вас нет...?

Голос осекся. Круто притормозив, Вася увидел, что в трех шагах от него, в классической поз терпящего бедствие лыжника сидит на одной ноге Света Белокурова. «Ах, так это была секция девушек!» — подумал Вася.

Он подошел к ней, стараясь смотреть буднично и деловито.

— Что, авария?

— Да, — неохотно ответила Света.

Он воткнул палки в снег и присел рядом. Все было ясно: порвался ремешок крепления, и Света, еле шевеля окоченевшими пальцами, пыталась заменить его шелковой ленточкой из косы. Поистине, девчачья наивность! Вася осмотрелся вокруг, словно ища помощи.

— Как это случилось?

— Ремешок зацепился за корневище, — объяснила Света.

— Наверное, был перетерт. А почему девчата ушли?

— Не заметили. Я не стала звать.

«Я не стала звать», в этом была вся Света с ее упрямством и самолюбием. А у самой голос дрожал от досады. Вася отстегнул свое крепление, но это оказалось безнадежно. Лы-

жи Светы были с мягкими креплениями, и к ним нельзя было прикрепить ремешок Васи со стальными набойками на концах. Он снял свои часы. Какое счастье! Ребята подшучивали всегда над его «будильником» и толстым некрасивым ремешком. А вот и пригодился его ремешок! Вася наглухо скрепил его с обрывком лыжного крепления, связал и сам с грубоватой добротой натянул самодельное крепление на ногу Светы. Она встала.

— Держит?-спросил он, глядя снизу вверх.

— Держит! Спасибо!

Буров поднялся, подул на пальцы, надел рукавицы и лыжи. Часы он положил в нагрудный карман.

— Ну, поехали?-весело сказала Света.

— Постой!-внезапно удержал ее Вася.

Он приблизился к ней, внимательно рассматривая ее лицо, затем снова сбросил рукавицы.

— В чем дело?-спросила Света.

— У тебя щеки начали белеть!

И захватив снегу, он стал так жестоко растирать ей щеки, что она чуть не закричала.

— Больно! Потихе!

— Вот и хорошо, что больно. Терпи, терпи, а то вовсе без щек останешься. Да и подбородок. Ты чувствуешь его?

— Чувствую. Хватит, не три больше!

— погоди, теперь рукавицей. Живет? Ладно, едем.

Было уже совсем темно, когда они перешли через реку и сняли лыжи.

— Я, кажется, до утра не взойду по этой лестнице!-сказала Света, с отчаянием глядя на бесконечные деревянные ступени, цепляющиеся за крутой склон горы.

— Взойдешь.

И он взвалил на плечи две пары лыж.

Лестница и в самом деле казалась бесконечной, но в конце концов они поднялись на гору. Снова встали на лыжи и дружно, бок о бок, двинулись к университету.

Сдав лыжи, вместе вышли в город. Идти им надо было в разные стороны. Наступила ранняя декабрьская ночь, вся в ярких огнях. Остановились.

— Вася, ты проводишь меня?

Он стоял и смотрел, как изо рта ее вылетало белое дыхание. Жалко было расставаться-а жила она близко.

— Пошли в кино?-внезапно предложил он.

— С ума ты сошел!

Но это звучало так сердито и жалобно, что он понял: пойдет. Пойдет с ним сегодня куда угодно! Это наполнило его радостью.

По дороге в кино они разговорились. Рассказали друг другу все, просто и по-человечески, с той доброй улыбкой, как говорят друзья, встретившиеся после глупой ссоры.

— Я еще тогда, у зеркала, понял, что ты-для меня. У тебя очень хорошее платье и к нему воротничок. А как ты отрезала: «Когда придумаете, то запишите».

Или, через два квартала:

— Ты думаешь, я с ним поссорилась из-за того дрянного стишка? Ничего подобного, гораздо раньше! Мы были на именинах у его приятеля, и они, видно, сговорились: все время оставляли нас одних, а он-полушьяный, все лез обниматься, обслонявил мне шею своими губами, дрожал. Мне стало противно, и я ушла. А уже дня через три девчонки показали мне эти стихи.

Они купили билеты с рук. В кино было очень тепло, в зале сидела хорошо одетая публика.

— Мы одни с тобой в лыжных костюмах, — шепнула Света, когда свет начал гаснуть.

— Давай плюнем на буржуазные предрассудки, — весело ответил Вася.-Будем смотреть картину.

Она не ответила. Плечо ее прислонилось к Васе. Свет погас. Вася посмотрел: голова ее опустилась на его плечо, девушка тихо дышала, сраженная сном наповал. В отблеске экрана необыкновенно привлекательно стало ее лунное лицо с закрытыми глазами.

«Устала Светланка, бедная!»

Играла музыка, шел фильм, а Вася Буров все смотрел на лицо спящей и мысленно обращался к ней:

«Хорошая, родная девочка!»

Убедившись, что она действительно крепко спит, он тихонько наклонил голову и чуть тронул губами ее лоб.

И строгий женский голос сзади явственно произнес:

— Безобразие!

Вася Буров не обратил на это внимания. Он смотрел на экран, но картина его мало интересовала. В голове его роились строки, рифмы, образы. Он снова начал сочинять стихи. Он был теперь уверен, что напишет замечательную поэму.

